

Татяна Луганцева

ГУСЕНИЦА на диете

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83 Гусеница на диете : [роман] / Татьяна Луганцева. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-17-100826-0 (Иронический детектив)

Оформление — *Екатерина Петрова*

ISBN 978-5-17-100831-4 (Детектив с огоньком)

Иллюстрация на обложке — *Оксана Мосалова*

Балерине Варваре Абрикосовой недосуг задумываться о мелочах жизни, главная цель — стать ведущей солисткой. Но неожиданно жизнь выходит из привычной колеи — ей приходится заняться... детективным расследованием. Ведь как иначе выяснить, кто насыпал ей в пуанты битого стекла? И почему вдруг буквально взбесился верный друг и партнер по сцене? А тут еще страшное подозрение: неужели новый знакомый, красавец Габриэль, на самом деле маньяк? Варвара с головой окунается в собственное расследование...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100826-0
ISBN 978-5-17-100831-4

© Т.И. Луганцева, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Аштракт
для души и тела*

Глава 1

— «Десять сквозных ранений в голову, жизненно важные органы не задеты». Это анекдот. Представляете — десять! И никаких повреждений. А все почему? Потому что там пустота! — радостно заявил капитан полиции своему шефу, начальнику следственного отдела подполковнику Габриэлю Виленовичу Висконти.

— Ты что мне такое говоришь? — нахмурился Габриэль, знавший, что ребята из отдела не прочь подшутить над ним.

— Так это ж почти про вас! — продолжал искриться капитан, так как давно был в курсе, что начальник суров снаружи и очень добр внутри.

Габриэлю Виленовичу не нравились такие шутки, и его можно было понять. Он всю свою жизнь отдал служению закону и всегда действовал по совести. Лишь однажды отступил от собственных правил, но никогда не сожалел об этом.

...Еще мальчишкой он интересовался у своей мамы, где его отец. Светлана Ивановна, по профессии учительница, преподавательница русского языка и ли-

Матьяна Луизицева

тературы, с большим воодушевлением рассказывала сыночку захватывающие истории об его героическом отце. Тот был то полярником, который прорывался сквозь пургу к людям, попавшим в ледяной плен, то космонавтом, бороздившим бескрайние и бесконечные просторы темного космоса с подвешенными в черной пустоте золотыми звездами, похожими на елочные игрушки на новогодней елке. Ну и, конечно, порой был летчиком-испытателем, выполнявшим особо важное правительственное задание. Естественно, при таких специальностях папа ну никак не мог быть дома, он должен был оберегать все человечество в целом.

Мальчик слушал маму с открытым ртом и ночью видел сны, в которых он вместе с отцом совершал разные подвиги, держась за его крепкую надежную руку. И такое тепло шло от этого большого и сильного мужчины, что Габриэль чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Вот только лица его он, как ни старался, так и не смог разглядеть. Во сне отец уходил от него размашистыми шагами, и маленький мальчик бежал за ним, но не поспевал, как часто бывает в сновидениях. Просыпался Габриэль в холодном поту и с тревожно стучащим сердцем. Это были нехорошие сны, которые преследовали много-много лет, пока он не вырос. Но это все детские страхи. А проза жизни была много прозаичнее, извините за тавтологию.

Студенткой мама Габриэля, Светлана Ивановна, отличница учебы, комсомолка и просто красавица, была направлена в Италию по обмену опытом в рамках содружества компартий Италии и Советского Союза.

Антракт для душицуба

Преподаватель психологии при учебном заведении, куда определили советских студентов, Вилен Висконти сразу же обратил внимание на привлекательную блондинку. Ну и началось! Только самый нелюбопытный тогда не замечал, что между русской девушкой и горячим итальянцем вспыхнула настоящая любовь и, не побоюсь этого слова уже в наши дни, страсть. Пылкий влюбленный не спускал восхищенных глаз с обожаемой русской куколки, а та просто таяла в его объятиях, как мороженое на жгучем итальянском солнце. Вилен дарил ей потрясающие букеты, в лучших традициях пел серенады под окном и целовал ручки. Но неожиданно ошеломительный праздник кончился — к Светлане подошел возглавлявший русскую группу руководитель и пригрозил, что донесет о ее недостойном поведении куда надо.

— Ты — комсомолка и не должна себя так вести! Зарубежный мужчина осыпает тебя подарками, встает перед тобой на колени... Что это такое? А где девичья честь? Репутация советской студентки? Италия — буржуазная страна, не забывай об этом! О чем вас всех предупреждали на собеседовании в комитете ВЛКСМ? Вы должны быть бдительными!

Но Вилен утихомирить свой пыл не мог, он же не знал всех тонкостей поведения советского человека. Да и такой темперамент нелегко обуздать. Висконти, естественно, продолжал свои буржуазные выкрутасы и вконец вскружил бедняжке-студентке голову, хотя за ней уже и следили, дабы не вышло беды и комсомолка не осталась в капиталистической стране. А это была бы

Матьяна Луизицева

самая страшная беда для руководителя, потому что он сразу бы потерял свою должность. И заодно полетели головы сотрудников так называемых компетентных органов, присматривающих за ним и за остальными членами делегации. Поэтому люди в неприметной серой одежде и с такими же серыми, ничего не выражающими лицами очень боролись за нравственность тех, за кем присматривали.

Света и сама была так воспитана, и к тому же запугана, так что и речи не было, чтобы остаться со своим любимым в буржуазной Италии, то есть предать родину. Уж лучше умереть на месте. Ее сердце разрывалось, но когда пришла пора ехать назад, она ни на секунду не сомневалась в своем возвращении в СССР. И тогда Вилен поразил всех тем, что отказался от своей солнечной и сытой родины и отправился за любимой в Советский Союз, доказав, что его увлечение Светланой — настоящее чистое чувство. Короче говоря — любовь. В Москве они справили комсомольскую свадьбу, и через год родился Габриэль. А еще через два с половиной года родители мальчика расстались.

Все это Габриэль узнал, когда уже повзрослел. Светлана Ивановна призналась:

— Да, твой отец не был летчиком, полярником и суперменом. Но он был хорошим человеком, вырванным из своей страны и семьи и погруженным совсем в другие условия... По молодости и по любви он помчался, бросив все, за любимой девушкой, но не рассчитал свои силы и то, с чем пришлось столкнуться. А это тебе не хухры-мухры, это — целая система.

Антракт для душицуба

Вилен оказался в другом климате, и природном, и политическом. Знаешь ведь, и у наших людей бывает осенняя депрессия до первого прохладного, нежного снежка или весенняя — до первого весеннего теплого солнышка. А твой отец погрузился в круглогодичную депрессию. Его горы и равнины с оливковыми и лимонными деревьями являлись ему в каждом сне. Вот сколько его помню — столько он и мерз, а это хорошего настроения не добавляет. И он не мог понять, как можно жить такой унылой, серой, не улыбочивой массой, считать, что все нормально, да еще все время ругать Запад. Это же немислимо! Кроме того, его все время подавляли психологически — следили за ним, периодически вызывали на допросы в 4-е Управление. Вилен возвращался оттуда в совершенно жутком состоянии, его трясло, он мог не разговаривать несколько дней. Вот так не просто проходила эта психологическая обработка. Его пытались завербовать, добивались, чтобы Вилен вернулся в Италию и шпионил там, работал на Советский Союз. Твой отец буквально разрывался на части, понимаешь? Он не мог бросить семью, растоптать любовь и уехать в Италию. И как бы он смог шпионить на родине, став врагом своих соотечественников, родственников и соседей? Как такое возможно? Думаю, Вилен и предположить не мог, что ему будет настолько плохо, когда он поехал за мной в Советский Союз. Нельзя было этого предугадать, не зная специфики жизни в нашей стране на тот период. Вилен привык хорошо питаться, а у нас был почти голод, все по талонам, какие во времена Великой депрессии

Матьяна Луцанцева

были в Америке. Да и первая страсть стала проходить, а дальше — только ужас и разочарование. И Вилен стал все больше и больше раздражаться, злиться на меня. Ведь он же из-за меня покинул свою райскую жизнь и оказался в этом кошмаре. Его раздражение накапливалось и иногда прорывалось в скандалах, мы порой просто ненавидели друг друга. В общем, нашу любовь погубил даже не быт, а система. И я ни в коем случае не виню твоего отца, что он не выдержал и сломался.

— Он уехал назад, в Италию? — спросил Габриэль, прекрасно понимая, о чем говорит мама.

— Я не знаю, если честно. У него были проблемы и с выездом тоже, Вилен же отказался шпионить, и его шантажировали. К тому же он полюбил русскую водку и пил страшно. То есть пить вообще-то не умел и нагружался до жуткого состояния с одного стакана. Несколько раз я думала, что не откачаю его... Вилен ушел, и все. Больше я его не видела. Доходили слухи, что вроде все-таки смог выехать за границу. Но по другим слухам, как будто остался в Советском Союзе и нашел свое счастье с другой женщиной. А кто-то говорил — спился. Одним словом, я даже не знаю, жив Вилен или нет, то есть ничего не знаю о твоём отце. И если ты когда-нибудь увидишь его, если вдруг где-то встретишь... Короче, можешь сказать ему что угодно, но только не за меня и не от моего имени. Я на него зла не держу, и это чистая правда.

Вот что сказала тогда мать, и Габриэль запомнил этот разговор. Что там говорить, ему была интересна любая информация об отце.

Антракт для душицуба

— Ты чем-то очень похож на него, — улыбнулась Светлана Ивановна. — У тебя густые темные волосы, ты высок и широкоплеч, а глаза — просто чудо! Вилен был очень красив, а ты его сын.

После той откровенной беседы прошло много времени. Габриэль рос умным и спортивным парнем с завышенным чувством справедливости. Поэтому он и пошел в Высшую школу милиции, чтобы стать высококлассным следователем. Светлана Ивановна очень переживала за сына, зная, что он выбрал опасную профессию, но повлиять на его выбор не могла. Габриэль женился довольно-таки рано, еще учась в институте, влюбившись в премилую блондинку Марину, которая внешностью напоминала ему мать.

У них родилась дочь Лариса, и Марина сразу же осела с ней дома, то есть на работу больше не вышла. И постепенно молодая женщина сильно изменилась. Она стала постоянно пилить мужа, что тот мало зарабатывает и вообще не мужик, раз не может обеспечить семью. Светлана Ивановна попыталась было в первый и последний раз встрять в их семейные отношения, напомнила невестке, мол, та знала, что выходит замуж не за Рокфеллера, но была резко остановлена. Истеричная Марина заявила, что тогда еще не было ребенка, а сейчас молодой семье нужны деньги. Много денег. И пусть поэтому Габриэль увольняется со службы и становится бизнесменом, как все «нормальные мужики».

Габриэль очень любил жену и дочь. Но и тряпкой тоже никогда не был. С работы он не ушел, а вот бизнесом все же занялся в основном по ночам, по выходным,

Татьяна Луизицева

без праздников, без отпуска, просто падая порой от усталости. И между прочим, бизнес Габриэля разросся, приносил немалый доход. Вот это и было его отступление от закона, поскольку он, государственный служащий, не имел права заниматься коммерческой деятельностью. Бизнес был зарегистрирован на Марину, но фактически на двух работах пахал один Габриэль. Светлана Ивановна смотрела на все это и только качала головой, словно уже тогда понимая, что добром такое положение дел не кончится.

Габриэль худел на глазах, темнел лицом, стал много курить. Бизнес приносил все больший доход, но параллельно росли и запросы жены. В девяностых годах, как и во всей стране, дело Габриэля пошатнулось. Мало того, он еще и получил пулю от криминальных структур — кто-то хотел рейдерски захватить его бизнес, и дело дошло до стрельбы.

И тут Марина быстренько переориентировалась. Жена даже не пришла ни разу к супругу в больницу, а без раздумий нырнула под крыло одного криминального авторитета по имени Гена. Ждать, когда Габриэль придет в себя и встанет на ноги, она не стала, так как уже привыкла к красивой жизни, а тут еще этот самый Гена вскружил ей голову ресторанами и золотыми цацками. Молодая женщина почувствовала себя королевой рядом с таким «крутым» парнем и решила, что жизнь — за такими, как он. А то, что Гена держит целый отряд «цепных псов», которые откровенно выбивают деньги у честно работающих людей, пытающихся выжить, ее ни сколько не смущало. Не останавливало

Антракт для душицуба

даже то, что ее собственного мужа подстрелил кто-то из его подручных. Женщина забрала дочь, последние деньги, бизнес, записанный на нее, и ушла.

Габриэлю пришлось восстанавливаться после такого подлого предательства и физически, и морально, на что потребовалось несколько лет. Он продолжал работать в органах. Спустя какое-то время всплыли прежние связи, на горизонте возникли бывшие партнеры. И поскольку криминальный период закончился, он опять занялся бизнесом, записав его уже на свою мать.

Габриэль быстро поднялся и вскоре стал одним из богатых людей в Москве. Сеть универсамов приносила хорошую прибыль. На собственные деньги он сделал ремонт в своем следственном отделении (вроде как на средства спонсоров), приобрел машины для оперативной работы. И постоянно участвовал в благотворительности: отстроил храм, открыл детский садик, выделял крупные суммы на переоборудование больниц и на операции детям, на новые кареты «Скорой помощи». Для Светланы Ивановны заботливый сын возвел коттедж в шикарном элитном поселке рядом с речкой и красивым лесом. Дом был огромен, и сам Габриэль частенько наезжал туда, останавливаясь на своей половине.

И вот однажды именно туда через много лет неведения заявила Марина, словно побитая кошка. Но тем не менее женщина заняла позицию плаксивого, стервозного ребенка, что для ее возраста было просто смешно, и сообщила:

— У меня финансовые трудности!

Татьяна Луизица

— Меня это должно волновать? — поинтересовался Габриэль, никаких чувств к этой женщине уже не испытывавший (да и после ее предательства ко всем остальным вместе взятым тоже).

— Я воспитываю твою дочь! — В голосе бывшей супруги зазвенели истерические нотки.

Марина явно не умела играть в покер — она сразу выложила свой главный и единственный козырь. Заметим кстати, что так она делала всегда, что не говорит о большом уме дамочки.

— Это и дало тебе право войти в мой дом для разговора, иначе тебя бы не пустили даже на порог, — кивнул Габриэль. — Я всегда исправно платил алименты, оплачивал лечение, образование и отдых дочери, делал ей дорогие подарки. Сейчас она учится за мой счет в Англии. Ко мне какие-то претензии? Чего я не дал нашей дочери?

Марина, все еще очень красивая женщина, но уже с несколько оплывшей фигурой и с весьма вульгарным макияжем, слегка сбавила тон, но продолжила наступление:

— Конечно же у меня нет к тебе претензий. Ты же у нас мистер совершенство! Ты никогда не делаешь ошибок и не даешь другим людям возможности на исправление их!

Габриэль рассмеялся, понимая, что Марина имеет в виду. В конце лихих девяностых она потеряла своего бандита — того банально застрелили, изрешетив из автомата около дома, превратив его широкую спину и тугой затылок в дуршлаг. Бизнес, отобранный у Габриэля, Марина поднять не смогла — не хватило

Антракт для душицуба

образования, да и желания вкалывать, а оставшиеся после Гены деньги она быстро прокутила с молодыми любовниками. Закончились деньги — исчезли и альфонсы, причем моментально. Хорошо, что хоть дочь Лариса находилась на полном обеспечении отца и не мешала ей жить. Короче, сейчас перед ней встал вопрос уже не о жизни, а о выживании. Вот она и вспомнила о Габриэле, узнав, что бывший муж очень богат, и поняв, что зря так поспешно списала его со счетов.

Все мысли женщины были буквально написаны на ее лице. Ей уже под сорок, и брать Марину в содержанки богатые «папики», сами уже пребывающие не в лучшем виде — с большими животами и оплывшими мордами, не желают. Потолок возраста для любовниц — двадцать пять лет. И таких вокруг — пруд пруди (на их поведение никто и не смотрит, жениться на них «папики» не собираются). Старые же их жены сидят по виллам и коттеджам на Лазурных и прочих берегах, обвешанные детьми и домработницами, вкалывая в свои тела ботокс и еще всяко разное в погоне за ускользающей привлекательностью. Так что сорокалетняя Марина со своими подтяжками никому не нужна.

Кстати, она даже не удосужилась своему Гене родить ребенка, решив, что и рождение Ларисы было ошибкой, материнство — не ее стезя. И вот сейчас, глядя на Габриэля, сорокатрехлетнего мужчину в прекрасной физической форме, с красивыми лицом и шевелюрой, да к тому же с деньгами, что конечно же для Марины являлось главенствующим фактором, она вдруг осознала, какой была душой, бросив его.